XXII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ВИЗАНТИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(София, 22–27 августа 2011 г.)

22–27 августа 2011 г. в Софии прошел очередной, XXII Международный конгресс византийских исследований. Столица Болгарии вновь принимала в стенах Софийского университета святого Климента Охридского цвет мировой византинистики: предыдущий, 4-й, Международный конгресс, проведенный в Софии, состоялся в 1934 г. Тема нынешнего Конгресса была поставлена максимально широко: «Византия без границ». Такая формулировка создала благоприятную возможность для представления практически всех направлений современной византинистики.

Организация работы Конгресса была проведена Национальным комитетом византинистов Болгарии на высоком уровне. Работу Конгресса сопровождало проведение специализированных выставок и других мероприятий, организованных в разных местах Софии и Болгарии, а также экскурсионных программ. Наиболее ярким событием было открытие в Национальной галерее зарубежного искусства выставки: «Блеск Византии: греческие иллюминированные рукописи с Балкан VI–XVIII вв.». Также чрезвычайно интересными были выставки «Византия после Византии» в Национальном историческом музее, «Византия и Болгария: христианская цивилизация» в Национальном археологическом музее и «Средневековое православное искусство из болгарских музеев и коллекций» в крипте собора св. Александра Невского. Работа Конгресса также сопровождалась проведением книжной ярмарки, на которой было представлено значительное количество специализированных издательств. К сожалению, следует отметить, что количество представленных издательств и их продукции заметно сократились по сравнению с предыдущими Конгрессами в Париже (2001) и Лондоне (2006). Российские издательства не представили свои византиноведческие публикации.

Работа Конгресса началась 22 августа в 11.00 в актовом зале Софийского университета – там же, где в 1934 г. состоялось открытие 4-го Международного конгресса византинистов. Настоящий Конгресс прошел под патронажем президента Республики Болгария Георгия Пырванова, который обратился к его участникам с приветственным словом и вечером первого дня работы Конгресса устроил прием в честь его участников. Также прозвучало приветствие со стороны Президента Организационного Комитета Конгресса академика Болгарской академии наук Васила Гюзелева и Президента Международной ассоциации византийских исследований проф. д-ра Петера Шрайнера. Затем было представлено три инаугурационных доклада. В. Гюзелев остановился на истории византино-болгарских отношений и значении византиноведения

для истории Болгарии. В. Тыпкова-Заимова (Болгария) и М. Нистазопулу-Пелекиду (Греция) осветили историю международных византиноведческих конгрессов от начала вплоть до настоящего времени.

В рамках работы Конгресса было проведено семь пленарных заседаний. Три из них отличались тематической ясностью и четкой соотнесенностью с темой заседания зачитанных на них докладов. 2-е пленарное заседание по теме «Гора Афон и гора Синай как культурные явления» включало два доклада (Б. Крсманович [Сербия], К. Павликианов [Болгария]), посвященных месту Афона в политической мысли славянских народов и болгарскому присутствию на горе Афон. Тема 5-го пленарного заседания, «Mare Nostrum/Mare Majus», была посвящена в основном роли черноморской торговли и навигации с X до XV в. С докладами выступили: С.П. Карпов (Россия) «Главные изменения в черноморской торговле и навигации с XII по XV в.», С. Оригоне (Италия) «Война и общество в Причерноморье: сравнение генуэзцев и венецианцев», М. Балар (Франция) «Черное море в международной торговле XIV–XV вв.», Д. Димитров (Болгария) «Роль западночерноморских портов в навигации и торговле XIII–XV вв.», Д. Якоби (Израиль) «Торговая функция Черного моря: макроэкономическое развитие в X–XV вв.».

Тема 3-го пленарного заседания «Города и общественные пространства» была представлена докладами Р. Радича (Сербия) «Константинополь в сербских средневековых источниках», К. Дарка (Великобритания) и Я. Костенеца (Чехия) «Новые археологические исследования в Святой Софии, Стамбул», М.М. Мэнго (Великобритания) о кризисе монументальности в архитектуре Византии и его соотношении с экономикой, К. Рапп (Австрия) о сакральной и светской топографии города в ранней Византии, А. Эффенбергер (Германия) о сакральной топографии Константинополя на примере данных текста архиепископа Новгородского Антония о церкви св. Феодора.

Другие пленарные заседания отличались большей тематической пестротой представленных на них докладов. Так, на 1-м пленарном заседании, посвященном теме «Образ и память о Византии и их неумалившаяся (undiminished) популярность», было заслушано пять докладов. Два из них – Й. Кодера (Австрия) и М. Мавруди (США) – рассматривали восприятие Византии самыми византийцами и окружающим их миром. Доклад А. Джуровой и В. Велиновой касался рецепции византийских художественных образцов в славянском мире. В докладе, итальянской исследовательницы С. Ронкей «Ностальгия по Византии: как и почему мы продолжаем *плыть*» (Nostalgia for Byzantium: How and Why We Continue '*to sail'?*), наследие Византии рассматривается в терминах Маркса как некий призрак, который до сих пор бродит по Европе. Исследовательница предостерегает от попыток осмысливать наследие Византии в категориях применимых к современным историческим условиям, предлагая рассматривать его лишь как материал для академических изысканий. Не удивительно, что при таком подходе к предмету изучения на Западе происходит сокращение финансирования и институциональной поддержки византиноведческих исследований. Известным противоречием предыдущему тезису явилось применение С. Ронкей клише советского тоталитаризма, якобы воспроизводившего некие византийские типологические модели.

На 4-м пленарном заседании, посвященном весьма актуальной для западного сознания теме «Свободы и ограничения в Византии», особую важ-

ность имели два концептуальных доклада. Сложность определения понятия «свобода», как и всегда при исследовании этой темы, создала для авторов определенные трудности. Избежать этой трудности осознанно удалось лишь И.П. Медведеву (Россия), сделавшему доклад на тему «Равенство как принцип общественной справедливости». В докладе Д.Г. Ангелова (Болгария) под названием «Три вида свободы как политические идеалы в Византии с XII по XV в.» была сделана попытка рассмотреть понятие свобода с трех точек зрения, господствовавших, по мнению автора, в Византии: античной, римско-правовой и христианской, основанной на Священном Писании. Содержание этих трех точек зрения иллюстрируется на примере источников XII–XV вв., причем показывается многозначность и даже запутанность этого понятия в применении к политической практике. В докладе Э. Папайанни (Греция) «Право и справедливость в Византии» исследовательница рассмотрела ключевую философскую тему соотношения права и справедливости, увиденную через призму византийских источников, прежде всего «Пиры» Евстафия Ромея. Автор показывает, что с юридической точки зрения закон имел безусловное преимущество над господствующим в обществе представлением о справедливости.

6-е пленарное заседание было посвящено проблемам представления сакрального в искусстве и богословии. Наряду с искусствоведческими докладами на этом заседании было представлено сообщение М.В. Бибикова (Россия) «Византийская астрологическая традиция в поствизантийскую эпоху и Россия: свидетельство рукописей».

7-е пленарное заседание «Развитие византийских исследований в будущем», несмотря на важность заявленной темы, было наименее представительным с точки зрения количества участников. В его рамках прозвучало три доклада. И. Божилов (Болгария) зачитал сообщение на тему: «Византия: finis terrae – ἡ πέρατος, или границы византийской цивилизации. Замечания о формировании византийского мира», в котором сделал интересные наблюдения как над вопросом о государственных границах Византийской империи, так и о границах византийского культурного и политического влияния. С новыми возможностями уже много лет разрабатываемой им базы данных «Византийское право» познакомил слушателей Ю.Я. Вин (Россия), сделавший доклад «Информационный подход к изучению византийского права: слова и тексты». Весьма актуальная тема была затронута в сообщении Т. Колиаса (Греция) «Перспективы византиноведения в виду новых условий научной работы и исследований».

Проблематика, затронутая на 7-м пленарном заседании, – особенно в докладах Т. Колиаса и Ю. Вина, – отчасти получила развитие в секции под названием «Византия сегодня – проекты». На ней был озвучен целый ряд проектов, связанных с обработкой различных по своему объему и жанрам информационных массивов, относящихся к географии (доклады К. Соколова, Г. Левениотиса, Л. Фоскиа, Н. де Ланге, А. Панайотова, Г. Реес), просопографии (доклад Г.Д. Панагопулоса, Г. Банева), лексикографии (Г. Папайанниса), палеографии (доклад В. Кантоне), социализации в сфере византиноведения (К. Хорничкова). Обработка этих массивов предполагается на основе современных информационных технологий, а их визуализация и презентация – в сети Интернет. Оригинальный проект, потенциально выходящий далеко за

рамки византиноведения, был представлен сотрудниками исторического факультета МГУ П.В. Кузенковым и Н.И. Быстрицким: «Опыт формализации исторических данных на примере византийской истории».

Археология была представлена целым рядом круглых столов и докладов в секциях, формально посвященных другим тематикам. Первой по времени проведения археологической секцией была «Археология византийских ландшафтов», в рамках которой прозвучало семь докладов. Специально израильскими археологами была проведена секция «Новые исследования по археологии и искусству Святой Земли», на которой было зачитано восемь докладов, имеющих большой научный интерес в силу наличия многочисленных новых археологических находок, сделанных в последнее время израильскими учеными. Наиболее крупным круглым столом, состоявшим из двух частей и включающим более тридцати докладов, был круглый стол «Археология на византийском пространстве». Основными регионами, на которых сосредоточилось внимание докладчиков, были территории современной Греции (материковые и островные), греческая и болгарская части Фракии, Крым (Судак, Херсонес) и Кавказ (Пицунда). В частности, раскопкам Питиуса и новым данным об архитектуре этого городского центра был посвящен доклад Л.Г. Хрушковой (Россия). Вторая половина заключительной части круглого стола была в основном посвящена раскопкам на территории современной Турции, а также на территории Румынии (Добруджа) и Македонии. Археологические находки, относящиеся к ремесленным изделиям (особенно керамике), анализировались в рамках секции «Производство керамики и другие ремесла». Отдельные доклады по археологии прозвучали в секции «Константинополь и Равенна».

Проблеме комплексного изучения регионов Византийской империи были посвящены круглые столы «Константинополь и Равенна», а отчасти также «Периферия и провинциальная аристократия». Целый ряд круглых столов, обсуждавших проблемы истории регионов Византийской империи и сопредельных государств, прошел в четвертый день работы Конгресса (четверг, 25 августа). Этой тематике были посвящены секции «Фессалоника: урбанизация и социальная динамика», «Кипр между Востоком и Западом», «Столицы средневековой Болгарии: Плиска, Великий Преслав, Охрид и Тырново», «Константинополь и его обитатели», «Византийская Италия», «Дунай и реки в византийском пространстве». Значительный интерес слушателей вызвали, в частности, доклады А.А. Чекаловой (Россия) «Константинопольские сенаторы от IV до середины VII в.», М. Кокошко (Польша) «Основные продукты и предметы роскоши в Константинополе VI в.», Н. Неджипоглу (Турция) «Социальная топография поздневизантийского Константинополя: свидетельства Регистра патриархата». Вопросы истории отдельных регионов и городов в поздневизантийский период затрагивались также в рамках работы секции «Империя в упадке». Отметим сообщения А. Волкофф (Россия) «Феодор I Ласкарь: годы становления государственного мужа», Е. Тодоровой (США) «Иерархия и динамика развития портов и рынков Причерноморья», М. Делилбаши (Турция) «Фессалоники и Янина от византийского до османского периода, XV–XVI вв.».

Проблемы взаимного влияния Византии и окружающего мира были затронуты в секциях «Политические культуры в Константинополе, провинциях

и вовне» и других, а также круглом столе «Вклад евразийского мира в развитие Византии». Р.М. Шукуров (Россия) являлся модератором этого круглого стола и выступил на нем с докладом: «Византийская классификация тюрок: архаизация или академический традиционализм?»

Византийские реликвии и реликварии как своеобразные посланники культуры империи рассматривались на заседаниях круглого стола. В числе выступавших: Л.А. Герд (Россия) «Священные предметы в византийском и поствизантийском каноническом праве», Н.А. Чеснокова (Россия) «Крест императора Константина в России XVII в.»

Тематика 2-й пленарной сессии, посвященной феноменам Синая и Афона, нашла свое продолжение в специализированных круглых столах: «Синай через века: место культа и паломничеств». Среди докладов на круглом столе, посвященном теме Синая, преобладали сообщения, связанные с историей паломничества в Синайский монастырь св. Екатерины и к Синайской горе, а также искусствоведческие проблемы, относящиеся к истории Синайского монастыря. Эта тематика, в связи с влиянием Афона на монастыри Балкан, была затронута и в большинстве докладов, зачитанных в рамках секции «Монастыри и монашество в пространстве Балкан». Про Афон и Синай шла речь также в рамках секции «Монастыри и христианская παιδεία», «Byzantino-slavica II», «Империя в упадке I».

Нумизматика была представлена широким спектром отдельных докладов и специализированных секций, среди которых следует выделить «Монеты и денежный обмен на византийском пространстве».

Традиционно многочисленными были доклады, посвященные специально византийской сигиллографии, а также анализу общеисторических и просопографических данных, получаемых в результате анализа сигиллографического материала. В рамках секции «Византийский мир и сигиллография» было зачитано восемнадцать докладов, в том числе российских и украинских исследователей. Комплексный анализ нумизматического и сфрагистического материала в их взаимной связи проводился в рамках секции «Нумизматика и сфрагистика».

Сравнительно небольшим количеством докладов была представлена на Конгрессе церковно-историческая тематика. Специальной секции, посвященной истории византийской Церкви, организовано не было, и потому отдельные церковно-исторические сюжеты послужили предметом нескольких круглых столов. Важную тему роли Константинопольского Патриархата в отношении к подвластным ему территориям во время существования Византийской империи и после ее падения был призван осветить круглый стол «Вселенский Константинопольский патриархат и Византия “вне ее границ” (hors frontières)». Важным вопросом, рассматриваемым в докладах заседания, послужила проблема пределов и границ влияния Вселенского Патриарха в пределах православной ойкумены (доклады Д.Г. Апостолопулоса [Греция], П. Гурана [Румыния], М. Апостолопулу [Греция], И. Евангелу [Греция]), отношений Константинопольского Патриархата с иными православными Церквами (доклад Д.И. Мурешана [Франция]), а также иные темы. Тема круглого стола «Монастыри и христианская παιδεία» была поставлена достаточно широко, чтобы на нем удостоился рассмотрения целый ряд церковно-исторических сюжетов, посвященных жизни и деятельности Константинополь-

ских патриархов, жизни и быту византийских монастырей, а также их роли в обществе. Три доклада были посвящены истории образовательной и агиографической традиции в связи с влияниями на них Византии. Отдельной темой, включающей наряду с церковно-историческим также и заметный государственно-политический аспект, была тема «Византия и папство». В рамках секции, посвященной этой теме, был рассмотрен ряд в основном ставших уже классическими сюжетов: схизма 1054 г. (Дж. Уиллс [Великобритания]), богословские собеседования (А.В. Бармин [Россия]), роль Иннокентия III в событиях четвертого Крестового похода (А. Папайанни [Греция]), проблема Лионской унии (в связи с болгарскими делами: К. Господинов [Болгария], З. Конкйов [Италия]).

Ряд секций общеисторического содержания был составлен по хронологическому принципу. Историю ранней Византии рассматривала одноименная секция с преобладанием общеисторических и источниковедческих докладов. Близкие по содержанию темы освещались в секции «Мощь (power) Византии», также в основном сосредоточенной на проблемах ранней византийской истории, однако затрагивающей и ряд сюжетов, относящихся к средневизантийскому периоду. В этой секции с докладами выступили К. Фледелиус (Дания) «Символическая сила Византии», М.В. Грацианский (Россия) «К вопросу о происхождении этнонима “анты” и П.В. Шувалов (Россия) «Северные варвары в “Стратегиконе” Псевдо-Маврикия». Ряду в основном внешнеполитических аспектов истории позднемакедонского и раннекомниновского периодов была посвящена секция «Военное дело, дипломатия и культурный обмен, X–XII вв.». Эпохе заката Византийской империи (XIII–XV вв.) была посвящена крупная секция, состоящая из двух частей, «Империя в упадке».

Важная социально-историческая тема рассматривалась на большом (тринадцать докладов) круглом столе под названием «Периферия и провинциальная аристократия». В докладах изучался целый ряд сторон жизни отдельных византийских провинций и контактных зон, а также образ жизни и роль местной аристократии преимущественно поздневизантийского времени на территориях, на которые власть константинопольского императора практически уже не распространялась.

Давняя тема восприятия «чужого», пик интереса к которой пришелся на 1990-е годы, послужила предметом рассмотрения для круглого стола «Византийцы и другие». Значительный процент докладов этой секции был посвящен восприятию византийцев болгарами и наоборот, а также шире – византийско-болгарским отношениям, главным образом в поздний период. Наряду с этим обсуждалась также и традиционная тема взаимного восприятия византийцев и мусульман по целому ряду аспектов: политическому, географическому и идеологическому.

Большое внимание на Конгрессе было уделено истории церковной и светской архитектуры, которой была посвящена работа двух секций «Церковная архитектура» и «Архитектурное наследие». В рамках обеих секций прозвучало около сорока докладов, авторы которых анализировали в синхроническом и в диахроническом аспекте как отдельные памятники, так и целые архитектурные комплексы, встречающиеся в самых разных уголках византийского мира и сопредельных государствах. Изучались архитектурные особенности как собственно византийских памятников, так и византийское влияние

на архитектуру окрестных государств и народов. Хронологические рамки: от ранневизантийского времени до XVI в.

Как всегда широко была представлена искусствоведческая тематика. 6-е пленарное заседание было посвящено проблемам представления сакрального в искусстве и богословии. Доклад Т. Вельманс (Франция) «Представление пространства и времени в византийском искусстве и причины, обусловившие их форму» касался важнейших особенностей средневекового восточнохристианского искусства, изначально стремившегося изображать идеальное вневременное бытие. Речь шла как о философских и богословских основах этих представлений и их конкретном воплощении от поздней античности до палеологовского периода. Э. Катлер (США) в докладе «Границы консерватизма в искусстве Византии» также рассмотрел (и во многом пересмотрел) одну из основополагающих особенностей византийского искусства – приверженность традиции. Вполне традиционная попытка интерпретировать иконографическую программу купола церкви Богородицы Перивлепты в Охриде на основе текстов Священного Писания была предпринята И. Заровым (Македония). Возможности междисциплинарного подхода к исследованию росписей храмов продемонстрировал обзорный доклад С. Калописси-Верти (Греция) «Монументальная живопись как исторический источник. Свидетельства надписей в храмах, ктиторских портретов и иконографии», в котором она представила несколько ярких примеров выявления в этом материале важных сведений по социально-политической истории Византии.

Ряд докладов на круглом столе «Новые исследования по археологии и искусству Святой Земли» был посвящен архитектуре и напольным мозаикам синагог и раннехристианских храмов (У. Лейбнер, Р. Талгам, Л. Хабас). Круглый стол «Синай через века: место культа и паломничеств» в основном был посвящен вопросам взаимодействия различных традиций в этом уникальном центре духовной и культурной жизни. Часть докладов была посвящена интерпретации новых археологических данных (Г. Фуканели (Грузия), «Маршруты паломников в районе Синайского монастыря»; М. Мирианфеос-Куфопулу (Греция), «Места культа для латинских паломников в Синайском монастыре»). В других сообщениях шла речь о соотношении восточных и западных элементов в иконографии и стиле живописи синайских икон: М. Панайотиди (Греция), «Культ и духовные ориентации в монастыре св. Екатерины»; Л.-Э. Хант (Великобритания), «Синайские иконы с “восточной” точки зрения: гибридность и поликультурность в эпоху Крестовых походов» и др. Доклады С. Калописси-Верти, Н. Фиссаса, Д. Мурелатоса (все – Греция) касались проблем, связанных с назначением синайских икон и происхождением их заказчиков.

В докладах, зачитанных в рамках круглого стола «Икона», были предприняты попытки по-новому взглянуть на природу этого явления (доклады Ч. Барбера и Э. Бек [США] о поствизантийской и русской иконописи; интерпретация Б. Пенчевой [США] надписей на иконах как своего рода средневекового перформанса). В докладе Г. Парпулова (Болгария) были соединены разнообразные данные об иконах, сохранившихся от XI в. Р. Нелсон (США) попытался реконструировать некое иное, отличное от современного, восприятие цвета и света византийцами, создававшими иконы и смотревшими на них.

В рамках круглого стола «Новый взгляд на византийскую иконографию Страшного Суда» преобладали доклады, посвященные искусству византийской периферии или соседних стран (Каппадокия, Кипр, Кавказ, Южная Италия, Сербия). В центре внимания одних исследователей были региональные особенности в трактовке данного сюжета; другие сосредотачивались на толковании нюансов этой иконографии или прослеживании эволюции тех или иных деталей.

На заседании круглого стола «Византийское искусство с границами или без: общее художественное поле и культурные фильтры в палеологовскую эпоху» речь шла о некоторых крупных явлениях палеологовского искусства и его взаимодействии с художественными традициями других стран: о природе и смысле Палеологовского ренессанса (И. Йевтич [Турция], А. Василакерис [Франция], К. Штефан-Каиссис [Германия]); влияние и адаптация византийской традиции в сербской архитектуре (Б. Цветкович [Сербия]); турецкие элементы в византийском искусстве XIII в. (С. Редфорд [Турция]) и др.

Круглый стол «Византийская мозаика и ее распространение (XI–XII вв.): организация работы, техника и материалы, реставрация» объединил исследования специалистов по мозаикам Италии, Греции, Грузии, Украины, Святой Земли. Часть докладов была посвящена проблемам реставрации и ее документации: доклады А. Парибени (Италия), Н. Куковальской (Украина), А. Остапчука и Ю. Коренюка (Украина), Д. Хрисопулоса (Греция), Б. Кюхнель (Израиль) и А. Кешман (Израиль). И. Андрееску-Тредголд (США) («Мозаики Венеции и Венецианской лагуны: тридцать лет исследований Торчелло») и С. Бродбек (Франция) («Некоторые уточнения о мастерской Монреале по результатам изучения изображений святых») на основании тщательного натурного изучения памятников привели важные выводы о методах работы мозаичистов. И. Фурлан (Италия) выступил с докладом о мозаических иконах.

Большой интерес вызвал круглый стол «Магия, верования и суеверия: от гемм к евлогиям и далее». Некоторые из прочитанных на этом заседании докладов касались произведений искусства, например, доклад Г. Мэгвайра (США) об изображениях в греческих иллюстрированных рукописях IX в., связанных с магией и колдовством, и два доклада о геммах, функционировавших как обереги (Ж.-М. Спизер и В. Дазен [Швейцария]).

Междисциплинарный и новаторский характер имел круглый стол «Византийская эстетика в Средиземноморье: Poikilia, Marmarygma kai Empsychosis». Докладчики стремились рассмотреть некоторые ключевые для византийской эстетики понятия на материале разных источников как письменных (экфрасисы), так и материальных (памятники архитектуры, изобразительного и декоративно-прикладного искусства и пр.): «Византийская архитектура как движущаяся цель» (Р. Остерхаут [США]); «Обзор некоторых методов освещения, применявшихся в византийской церковной архитектуре» (И. Потамианос [Греция]), «Настоящие раковины и их имитация в апсиде базилики Евфрасия в Порече» (Г. Мэгвайр); «Сверкание, смотрение, прикосновение: чувственность материала в Византии» (Э. Катлер [США]). Все эти доклады объединяет стремление уйти от традиционных точек зрения, деления на области знания, принятой методологии, и попытаться представить себе, как воспринимали произведения искусства сами византийцы.

Доклады по византийскому искусству были также прочитаны в нескольких секциях свободных сообщений (в том числе доклады большинства участников конгресса из России). Самые различные по тематике и методологии работы были представлены в секциях «Искусство, эстетика и музыка» I и II: доклады Л. Мавродиновой (Болгария) о болгарской монументальной живописи XIII в.; А.С. Преображенского (Россия) о модификации традиции ктиторских изображений в позднесредневековом русском искусстве; С. Рацевой-Христовой (Болгария) о происхождении и символическом значении такого особого мотива в монументальной живописи Балкан как «вращающиеся диски»; П. Костовской (Польша) о надписи из церкви св. Николая в Манастире; Э. Димитровой (Македония) о представлении мужской и женской красоты в византийских фресках; Л. Бевилаква (Италия) о реконструкции мозаического декора церкви Стилиана Зауцы и др.

Две секции свободных сообщений были посвящены проблемам иконографии, и еще две – монументальной живописи вообще. Среди докладов по иконографии стоит особо отметить сообщения Л. Фундич (Греция) о редких сюжетах детства Христа, М. Томич Джурич (Сербия) об изображениях Христа во Гробе, С. Фотинакиса (Греция) о принципах расположения образов преподобных в системе византийской храмовой декорации. В иконографические секции вошли интересные сообщения Р. Русевой (Болгария) и С. Арванити (Греция), Н. Кондоянниса (Греция) и А. Христиду (Великобритания) о малоизвестных памятниках монументальной живописи Албании, а также ряд докладов о фресках Нубии. В заседаниях по монументальной живописи были объединены более многочисленные и разнохарактерные работы. Одни исследователи представляли новый или малоизвестный материал (например, доклады Л. Риккарди [Италия] о фресках церкви Сан Донато ди Нинеа в Калабрии; А. Георгиу [Греция] об изображениях святых на хорах кафоликона Осиос Лукас; Н. Панселину [Греция] о фресках церкви св. Феодосии на Хиосе; Г. Велениса и М. Каппаса [Греция] о фресках церкви св. Николая близ Плаца, Мани), другие анализировали развитие той или иной иконографической темы (например, доклады Н.В. Квливидзе [Россия] о теме молитвы во фресках X–XI вв. в Каппадокии, Грузии и Апулии; А.В. Захаровой [Россия] об изображениях групп святых в каппадокийских храмах) или отдельные редкие мотивы (С. Габелич [Сербия] об иконографии второстепенных персонажей в сценах страстного цикла во фресках палеологовского времени; Г.П. Шименц об иллюстрации к хвалитным псалмам в Лесново; М. Константудаки-Китромилидис [Греция] о фресках конца XIV в. в Акумиа на Крите), третьи рассматривали особенности той или иной локальной школы монументальной живописи (например, сообщения П. Сабева о стиле фресок первого слоя церкви свв. Петра и Павла в Велико Тырново; А. Трифоновой [Болгария] о фресках конца XIV в. в Кастории; А. Каввадиа и А. Страти [Греция] о палеологовской живописи Хиоса).

В секции, посвященной иллюстрированным рукописям и проблемам кодикологии, выступили четыре российских специалиста: Э.С. Смирнова говорила о тератологическом орнаменте в русских рукописях XIV в., Э.Н. Добрынина – об иконографии Вознесения пророка Илии в византийских миниатюрах IX–XIII вв., И. Орецкая и М. Гринберг – об отдельных выдающихся рукописях XIV в. На этом заседании с докладами выступали специалисты

по болгарским (Е. Мусакова [Болгария]), армянским (С. Манукян, З. Акопян, С. Чугасян [все – Армения]) и грузинским (Н. Кавтария, З. Схиртладзе [все – Грузия]) рукописям, а также представители Государственных архивов Албании.

В докладах, прочитанных в секции «Иконы и произведения малых форм», речь шла как об иконографических традициях, так и об отдельных произведениях живописи и декоративно-прикладного искусства.

В заседании, посвященном поствизантийскому искусству, преобладали работы, представлявшие малоизвестные произведения или группы памятников (доклады К. Кондопанагу и И. Хулиариса [Греция] о росписях XVI в. в Эпире; А. Андронику [Кипр] об одной кипрской мастерской XVI в.; Г. Герова [Болгария] о монументальной живописи Несебра конца XVI – начала XVII в.; С. Арванити о росписях XVII–XVIII вв. на Пелопоннесе и др.). В некоторых докладах речь шла о трансформации тех или иных древних традиций в эпоху позднего средневековья (А. Серафимова [Македония], об изображениях Акафиста в афонских росписях XVI–XVIII вв. и их византийских образцах; Ю. Бузыкина [Россия] об изображениях городов в русской живописи XIV – середины XVI в.). В докладе Ю.А. Пятницкого иконы были рассмотрены как предмет торговли в XV–XVII вв.

На заседании «История византийских исследований» среди докладов, касавшихся истории искусства и архитектуры, преобладали работы итальянских и греческих специалистов. А. Висконти (Италия) говорила об изучении произведений резьбы по слоновой кости в Италии в XVIII в..В докладах К. Барсанти и С. Педоне (Италия) речь шла о готовящихся к изданию рисунках XIX в., изображающих памятники Константинополя. Доклад Дж. Газбарри (Италия) был посвящен интересной проблеме влиянии перехода к репродуцированию памятников византийского искусства с помощью фотографии на их восприятие научным сообществом и публикой на рубеже XIX–XX в. В двух докладах греческих специалистов (Э.-А. Хлепа и Д. Мурелатос) анализировалось восприятие памятников византийского искусства и архитектуры в Греции в XIX и начале XX в.

Значительное количество тематик отдельных круглых столов и секций, прежде всего имеющих дело со вспомогательными историческими дисциплинами, получило обзорное рассмотрение в ходе заседаний круглого стола «Instrumenta studiorum», на котором были сделаны обзорные доклады, посвященные актуальному состоянию отдельных дисциплин: Дж. де Грегорио (Италия) сделал доклад о палеографических и кодикологических исследованиях в мире между Лондонским (2006) и Софийским конгрессами, А. Байхаммер (Кипр) – о дипломатике, С. Шёнауэр (Германия) – о лингвистике, П. Сустал и М. Попович (Австрия) – об исторической географии, М. Александру (Греция) – о музыке, С. Морриссон (Франция) – о нумизматике, Ж.-К. Шенэ (Франция) – о сигиллографии, Д. Фейсал (Франция) – об эпиграфике. Наряду с этими основными докладами было зачитано несколько сообщений по проектам, призванным создать ряд вспомогательных ресурсов по отдельным темам и аспектам византийской цивилизации.

Третий день работы Конгресса был в целом посвящен филологической тематике, в рамках которых нашли свое рассмотрение различные сюжеты бытования и производства книг и литературных произведений в византийском

обществе, проблема переводной литературы, распространения научных знаний в Византии и за ее пределами, агиографическая литература (две секции: «Византийская агиография», «Агиография и гомилетика»), эпиграфика, отдельные жанры византийской литературы (например, жанр «вопросоответов», космологических сочинений). Важное направление исследований представлял круглый стол, посвященный созданию корпуса византийских надписей. На нем С. Манго (Великобритания) поставил вопрос: что и почему можно считать византийской надписью? А.Ю. Виноградов (Россия) остановился на анализе византийских надписей Северного Причерноморья, Э.Г. Жордания (Грузия) сделал сообщение: «Трапезунд в памятниках грузинской агиографии».

Отдельная секция была посвящена вопросам византийской философии, а также жанру историописания («История и литература»). Большая секция (свыше двадцати докладов) была посвящена исследованию жанров светской литературы в Византии, памятников церковной («Различные церковные писания») и специально богословской письменности («Византийское богословие»), а также соотношению между философской и церковной письменностью («Диалог между богословием и философией в Византии» и отчасти «Византийские космологии IV–VII вв. и их богословские и философские источники»). Несколько особняком в этот день стояла секция «Византийские миссии среди славян», на которой, наряду с личностями и деятельностью славянских просветителей, речь также заходила о переводной литературе.

Рассмотрению одной из ключевых тем текущего Конгресса, принимая во внимание место его проведения, была посвящена секция «Byzantino-slavica», также несколько выделявшаяся по своей тематике среди секций этого дня. Здесь перемежались доклады общеисторического, источниковедческого, агиографического, литературоведческого и иного содержания. Много говорилось о рецепции различных аспектов византийской культуры среди славян. Значительное внимание было уделено переводной с греческого славянской литературе в ее болгарской, русской и сербской традициях и их взаимному влиянию. Несколько докладов было посвящено рецепции у славян византийской литургической практики и церковной музыки. Традиционная для болгарских исследователей тема изучения истории богомильства, – подхваченная с определенного времени французскими исследователями, у которых она связывалась с изучением истории альбигойцев, катаров и других сходных ересей, – стала предметом рассмотрения в ходе работы секции «Средневековое инакомыслие (dissent): богомилы и другие религиозные диссиденты на Балканах».

Тема Латинской Романии звучала во многих выступлениях. Отметим некоторые доклады: Э. Маламут (Франция) «Фессалоникские королевы: Ирина Монферратская, Рита-Мария-Ксения и Анна Савойская», М. Балар «Наемники генуэзской Фамагусты в XV в.», С.В. Близнюк (Россия) «Киприоты в Европе в XIV–XV вв.».

Софийский конгресс ознаменовал собой новый этап развития мировой византинистики, переживающий в настоящее время переходный период. С глубоким сожалением был констатирован уход последних крупных деятелей мирового византиноведения, вступивших в научную жизнь в 40–60-е годы XX в. С кончиной таких ученых, как Г.Г. Литаврин, И. Шевченко, А. Лайу,

закончилась предшествующая блестящая эпоха развития византинистики, связывающая нас с выдающимися деятелями довоенного и раннего послевоенного поколения византинистов: Ф. Дельгером, А. Грегуаром, Г. Острогорским, Г. Хунгером, Х.-Г. Беком, П. Лемерлем и др.

Современное византиноведение переживает непростой процесс исчезновения старых школ, тематическую переориентацию представителей молодого поколения византинистов, падение образовательного уровня, прежде всего среди византинистов Западной Европы, что неоднократно отмечалось ведущими представителями византиноведения стран Западной Европы, бесспорно лидировавшей на предыдущем этапе развития византиноведческой науки в мире: Германии, Франции, Австрии, Великобритании. Явным признаком падения престижа византиноведения на Западе становятся попытки закрытия целого ряда византиноведческих кафедр и институтов и общее сокращение финансирования гуманитарной науки, в том числе и византиноведения. Реформы, проводимые в образовании в рамках Болонского процесса, также способствуют деградации и исчезновению ранее процветавших центров изучения истории и культуры Византии на Западе. Вместе с тем в России, странах Южной и Восточной Европы, в Турции, несмотря на все еще не преодоленные серьезные экономические и институциональные проблемы, не только не наблюдается падение интереса к истории Византии, но и отмечается его устойчивый рост, находящий свое выражение в растущем числе ученых, посвящающих себя изучению истории и культуры Византии.

Статистика поданных на участие в 22-м Международном конгрессе византийских исследований в Софии заявок свидетельствует об этом весьма наглядным образом. На участие в Конгрессе было подано свыше 1100 заявок. Из них порядка 660 (ок. 60%) приходятся на страны «византийского круга» или на страны, лежащие на границе «византийского культурного пространства»:

Греция и Кипр – 224 (в том числе 37 работающих в Западной Европе и Америке);

Южная и Восточная Европа (Болгария, Сербия, Румыния, Македония, Албания, Польша, Чехия, Венгрия, Словакия) – 263 (в том числе 32 работающие в Западной Европе и Америке);

Турция – 26 (в том числе 3 работающих в Западной Европе и Америке);

Россия – 93 (в том числе 2 работающих в Западной Европе);

Страны бывшего СССР, кроме России (Украина, Грузия, Армения, Латвия) – 54 (в том числе 3 работающих в Западной Европе).

Таким образом, всего лишь порядка 440 (ок. 40%) заявок поступили из стран, не считающих историю Византии важной частью собственной истории либо имеющей прямое отношение к таковой. Это страны Западной Европы, США, Канада, Австралия, Израиль, Япония, Южная Корея и некоторые другие.

В числе пленарных докладчиков было 4 представителя России, среди модераторов – 8.

В виду вышеприведенной статистики трудно оправдать доминирование в работе Конгресса английского языка, на что посетовал в своей речи на закрытии Конгресса покидающий свой пост Президента Международной ассоциации византийских исследований (AIEB) проф. Петер Шрайнер. «Утрата

языкового многообразия», как охарактеризовал это обстоятельство профессор П. Шрайнер, безусловно не идет на пользу мировой византинистике, снижая общий образовательный уровень ее представителей.

Как прискорбный следует в этой связи отметить факт почти полного отсутствия русского языка в докладах, сделанных на Конгрессе, а также в последовавших за ними дискуссиях, несмотря на то что факт проведения Конгресса в Болгарии к этому вполне располагал. Так, парадоксальным образом, единственным русскоязычным докладом во время пленарных сессий оказался так и не прозвучавший доклад польского профессора Анджея Поппэ «Студиты – просветителями [sic!] Руси»…

Ряд докладов вызывал оживленную дискуссию, но времени на нее катастрофически не хватало, особенно на секционных заседаниях. Может быть, это некий урок на будущее. В целом же болгарские коллеги, несмотря на все очевидные трудности, сделали все возможное для успешного проведения огромного форума мировой науки, заслужив признательность участников и продемонстрировав высокий уровень современного болгарского византиноведения.

В предпоследний день заседаний Конгресса, 26 августа 2011 г., в Самоково близ Софии состоялась Генеральная Ассамблея Международной ассоциации византийских исследований. Наряду с несколькими рабочими вопросами, Ассамблея обсуждала вопросы о месте проведения следующего Международного конгресса византийских исследований и об избрании нового президента Международной ассоциации византийских исследований в связи с истечением срока полномочий Петера Шрайнера на этом посту. На честь принять у себя следующий Конгресс (2016 г.) претендовали Стамбул и Белград. После представления претендентами своих проектов проведения будущего Конгресса в результате проведенного тайного голосования победил Белград. Вслед за этим на пост президента Международной ассоциации византийских исследований (AIEB-МАВИ) была избрана Джудит Херрин (Великобритания). Секретарем Ассоциации был избран А. Маркопулос (Греция), в то время как М. Каплан (Франция) сохранил пост казначея Ассоциации. 30 сентября 2011 г. Дж. Херрин подала просьбу об отставке с поста Президента Международной ассоциации византийских исследований, с чем затем согласилось большинство национальных комитетов. В связи с отставкой Дж. Херрин 11 февраля 2012 г. было проведено заседание Генеральной Ассамблеи МАВИ в Париже, на котором по результатам тайного голосования, проведенного на основе альтернативных выборов, пост Президента Международной Ассоциации византийских исследований занял Йоханнес Кодер (Австрия). Белград был утвержден в качестве места проведения следующего Международного конгресса в 2016 г., в то время как Стамбул получил преимущественное право на его организацию в 2021 г.

С.П. Карпов, М.В. Грацианский, А.В. Захарова, С.В. Близнюк